

Спектакли Киевского драматического театра

В ПЕРВЫЕ гастрوليрующий в Москве русский драматический театр имени Леси Украинки выступил с разнообразным репертуаром классических и современных пьес. Первыми его современными постановками были «Хождение по мукам», инсценировка по роману Ал. Толстого, и пьеса А. Штейна «Закон чести».

★

В течение двадцати лет продолжал Ал. Толстой свою работу над «Хождением по мукам»; 1921 годом помечена первая часть трилогии, и навсегда вошедшая в историю человечества дата — 22 июня 1941 года стоит на последней странице романа. Великий труд писателя оценен советским народом: вошли в сознание миллионов, стали не только знакомыми, но и близкими образы героев романа.

При воспроизведении романа на сцене композиция О. Литовского сосредоточила основное внимание на личной судьбе главных героев — сестер Кати и Даши, Телегина и Рощина.

Роман Ал. Толстого — эпопея потерянной и возвращенной родины; люди, потерявшие родину в старой царской России, обретают ее в социалистическом отечестве. К сожалению, эта основная тема раскрыта в спектакле неубедительно. В этом повинна не только инсценировка О. Литовского, но и те неверные подчас переделки, которые театре по отношению к этой инсценировке допустил. В итоге нет «ощущения огромной эпохи», о котором писал Ал. Толстой, нет выражения средствами

театра того, что родина, обретенная героями, есть родина социалистическая. Происходит это потому, что носители социалистической идеи не получили в спектакле конкретного выражения в сценических образах. В романе мы встречаемся пусть с эпизодическими, но яркими фигурами большевиков, — таких, как Чугай, как Рублев. Правда, и в спектакле видим мы Чугая, но образ этот получился неубедительным. И нет исполняющего эту роль артиста В. Валерского той страсти, без которой немислим подлинный образ комиссара гражданской войны, ведущего за собой массы. Мы имеем в виду не внешний пафос, а подлинную, глубокую страсть — это драгоценное качество души большевика.

Ощущение всемирности великого подвига наших людей, которые «перестраивают мир», звучит в спектакле крайне приглушенно.

В инсценировке драматургический успех работы часто зависит от того, с какого эпизода литературного произведения начинает инсценировщик свой сценический сюжет.

Воспроизводя для сцены огромную трилогию, О. Литовский решил начать этот сюжет с первых же страниц романа. Отсюда и пошла растянута инсценировка, ее дробность (22 эпизода!), отсюда неизбежная скороговорка даже в эпизодах первостепенной важности, как, например, в том, который посвящен обороне Царицына.

Наряду с этим некоторые эпизоды инсценировки построены О. Литовским умело, с верным чувством теат-

ра. Такие сцены, как первые словесные схватки Рощина и Телегина, как приход Телегина к доктору Булавину, как встреча Рощина и Телегина на вокзале, производят сильное впечатление, имеют успех у зрителя.

Режиссерская культура, постановочная изобретательность, техническая слаженность спектакля (постановщик В. Нелли), хорошая игра многих актеров, со вкусом выполненное оформление художника М. Уманского в значительной степени обеспечивают этот успех. Если исключить неудавшийся М. Стрелковой образ Кати да не вяжущиеся с общим реалистическим строем спектакля «гротесковые» фигуры, — такие, как адвокат Смоковников у С. Петрова или Махно у Розина, — большинство ролей сделано актерами вдумчиво и проникновенно.

Прежде всего это относится к Даше — О. Смирновой.

«Вы изящны, благоустроены и очень хороши собой», — говорится о Даше на первых страницах романа. И, когда О. Смирнова впервые появляется на сцене, вам кажется: нет, не та это Даша, о которой писал Толстой. Но вот она начинает разговаривать с Телегиным. Широко раскрыты глаза на новую для нее жизнь; решительно и необычно начинает она вторгаться в эту жизнь, и столько в ней умной наблюдательности, затаенной нежности, нравственной чистоты, что вы принимаете решительно все в актрисе, незыблемо верите в ее слитность с образом Даши.

Естественен и благородно правдив Телегин в исполнении М. Романова. Замечательно проведена артистом встреча с Рощиным на вокзале, когда Телегин, переодетый белогвардейским офицером, обращаясь к Рощину, говорит с большим чувством и без малейшей аффектации: «Спасибо, Вадим».

Смятенность Рощина, его муки, его одиночество, та идейная слепота, которая привела его на самое дно — в белогвардейские банды, — выразительно переданы Ю. Лавровым. Одна из наиболее сочных фигур спектакля — бывший подполковник Теткин (М. Высоцкий). С каким уверенным презрением говорит он о бывших своих сподвижниках, о царских офицерах.

Силою актерского мастерства частично преодолеваются недостатки сценической композиции. Отдельные эпизоды становятся яркими иллюстрациями замечательного романа, и аплодисменты зала часто прерывают действие.

★

С естественным нетерпением ждали московские зрители постановки киевлянами современной советской пьесы.

«Глаголом жгн сердца людей» — вспоминает пушкинскую строку академик Верейский, один из героев пьесы «Закон чести». Только высокая современная тема может по-настоящему воспламенить нашего зрителя, зажечь его, так как это было в отчетном спектакле.

И в этом заслуга и драматурга А. Штейна, и великолепной постановочной работы художественного руководителя Киевского театра, одного из лучших деятелей советской сцены — Хохлова, и почти всех актеров, участвовавших в спектакле о законе чести советского человека.

Свято помни о высоком назначении советских людей; помни, что ты — передовой деятель истории; чтить великую культуру великого русского народа, не раболепствуя перед иноземным мешанством, не низкопоклонствуя перед иностранной лженаучностью и идейной опустошенностью; зорко помни, что в странах рабской «демократии» тебя, твою культуру, открытия твоего ума, твою

вдохновение подстерегают шпионы и торгаши; срывать же все и всяческие маски с замаскированных хищников, — вот то, о чем говорит пьеса, вот тот закон чести, который нарушил один из ее персонажей — профессор Добротворский.

Он хорошо знал свою науку, но плохо знал жизнь.

Жестоко наказан за это Добротворский; цепкий, ловкий, сумевший приобрести профессорское звание, проходивец Лосев умело завладевает им. В результате научные открытия Добротворского попадают в руки американских торгашей — поджигателей войны. Так невольно стал Добротворский предателем интересов советского народа; но он — настоящий ученый, вокруг него настоящие советские люди, товарищи по науке. С их помощью он возродится, и трагическое для него заседание суда чести станет не духовной смертью, а вторым рождением.

Этот сложный и трудный путь профессора Добротворского хорошо передан в спектакле Ю. Лавровым. Быть может, несколько навязчивы в первых действиях пьесы те внешние детали, которыми артист подчеркивает житейскую близорукость, некую растерянность Добротворского. Зато отлично выражено Ю. Лавровым «второе рождение» ученого, когда на следующий день после суда чести приходит он в свою лабораторию постигшим то, чего прежде не понимал, видящим то, чего раньше не видел.

Большого актера имеет театр в лице М. Романова (академик Верейский). Незабываемое впечатление производит его обвинительная речь на суде, когда Верейский именем русских ученых, нагло обворованных в свое время иностранцами, именем Ломоносова и Менделеева, Павлова и Сеченова требует обществен-

ного осуждения своего друга Добротворского. Сила образа в том, что за медиком Верейским вы чувствуете и химиков, и физиологов, и биохимиков, чувствуете голос негодующей совести русских ученых.

Смотря на Верейского-Романова, вы невольно вспоминаете те слабые имена, которые он произносит в своей речи. Вы думаете о Менделееве, о Павлове, о великих людях русской науки с их страстной любовью к своему народу, с их неукротимостью, огромной душевной нежностью, с их правдолюбием, с их презрением к лицемерию.

Юмором, подкупающей характерностью наделяет образ старого академика Писаревского В. Халатов. Благородна и проста жена Добротворского — М. Стрелкова. Надменность и подхалимство делюги Лосева убедительно передает А. Таршин. Хорошо в спектакле и то молодое поколение наших людей науки, которому вместе с его учителями суждено оставить позади буржуазную науку: по-юному веселы, по-большевистски принципиальны молодой ученый Николай (А. Франько) и Оленька, научная сотрудница (Л. Глаз). Интересно оформление спектакля художника А. Бобровикова.

★

В своих первых спектаклях киевский коллектив предстал перед нами, как театр смелых исканий, достойных реалистических традиций, постановочного мастерства, крепкого ансамбля, отдельных выдающихся актерских дарований.

С. Юрьев.

Ответственный редактор
Г. А. МЕЩЕРЯКОВ